

346

С ч а с т ь е

Татьяна ТЭСС

В самой природе дара композитора заложена поэзия.

Удивительно рождение поющего звука в уме, в замкнутом мире, который вначале открыт и слышен только одному человеку. В ушах его гремит оркестр, он первый слышит, как звук становится голосом скрипки или рояля. Мелодия растет, делается все плотнее и осязаемей, он делит ее между инструментами, слышит трепетание ритма, и вот наступает минута, когда звуки уже как бы вытянулись в свободную, поющую строку, и надо заставить клавиши рояля эту строку проговорить, надо запомнить, записать ее на потной бумаге.

Ощущение удивительной свободы, с которой рождается музыка, испытываешь, слушая музыку Арама Хачатуряна.

Большинство его вещей производят впечатление сделанных единым дыханием, так, как будто все произведение осенило его сразу, целиком; нигде вы не чувствуете спайки, узелка, которым связаны отдельные мысли. И вместе с тем эта музыка очищена от многословия, помпезности; дар импровизации соединен в ней с логическим мышлением, с верностью благородным традициям романтического симфонизма.

Хачатурян начал заниматься музыкой поздно — девятнадцати лет от роду. Сейчас трудно понять, как могло случиться, что он столько лет носил в себе дар, который дала ему природа, богатство мелодий, ритмов, — и все это молчало, как бы притаившись в нем. Нельзя говорить о «раннем» или «позднем» Хачатуряне, разбивать его творчество на периоды, искать грани, переходы. Он сразу вырвался из дремоты, которой был скован его талант, — и все заговорило в нем, запело, зазвучало.

Первые произведения, которые он написал, были «Танец» для скрипки и фортепиано и «Поэма» для фортепиано. При всей их юношеской неспособности талант композитора дал им жизнеспособность. Прошло пятнадцать лет, — «Танец» и «Поэма» продолжают часто и охотно исполняться. Композитор рос, но основные его качества сказались сразу с большой решительностью, он

не изменил ни голосу своему, ни чувству; все, что он написал, как бы двигалось вместе с ним, как войско за полководцем.

Человек, сравнительно поздно начавший заниматься композицией, пришедший к ней невооруженным, мало зная, мало умея, развернулся с быстротой залпа. Он работал щедро и жадно. Умение выбрать главное пришло к нему не сразу. Интересно проглядеть сейчас, как мышление его становилось все строже и точнее, как сюжет приобретал все большую значительность, тема обозначалась рельефнее, подчиняя себе то, что не было основным.

Искусство народа — это то, что придает творчеству Хачатуряна особую жизненную силу, дает цвет его крови, ритм — сердцу, широту — дыханию. Его творчество глубоко народно в высоком смысле этого слова; близость к народу придает ему значительность, глубину, страстную эмоциональность.

У некоторых композиторов, в том числе даже крупных и известных, существует манера: написал вещь, отдавать ее оркестровать кому-то другому. В манере этой есть что-то высокомерное. Это похоже, как если бы, родив ребенка, мать немедленно отдавала его в чужой дом к кормилице и получала на руки, когда ребенок уже умеет ходить, говорить и не требует особых забот. Даже не спросив об этом Хачатуряна, можно точно почувствовать, что свои вещи он оркеструет сам. Дело не только в красках оркестровки, дело в ее органичности и опять-таки в цельности, как если бы вся вещь была сделана из одного куска. Один из педагогов, занимавшихся в школьные годы с Хачатуряном оркестровкой, строго спросил его как-то, когда тот принес ему начало оркестрованной вещи:

— А вы видите перед собой 276-й такт?

Очень важно уметь видеть свою вещь насквозь, точно осязая ее, действительно зная, что в 276-м такте будет именно эта фраза, а не случайная инструментальная болтовня.

Учителем Хачатуряна был Н. Я. Мясковский. Это решило в судьбе Ха-

чатуряна многое. Умный и тонкий мыслитель, Мясковский сумел определить главное в этом щедром, стремительном даровании. Он не сделал Хачатуряна суше, — он сделал его строже. Он ввел его в круг идей и чувств великих композиторов, развил его художественный вкус, приучил к взыскательности в работе. Хачатуряну хотелось писать сразу все, — и он писал симфонию, трио для кларнета, скрипки и фортепиано, марши для духового оркестра; балет «Счастье»; музыку к фильмам; концерт для фортепиано с оркестром; песни, сонату для скрипки и фортепиано. Любовь к роскоши, к богатству фразы, захлебывающаяся расточительность постепенно сжимались. В работе над балетом Хачатурян уже убежденно пошел по линии, верной традициям великих русских композиторов, добываясь симфонизации балетной музыки. И, наконец, его последний скрипичный концерт, где он дал скрипке такую свободу речи, такую возможность глубокого и большого разговора!

Самая последняя работа Хачатуряна — музыка к «Маскараду» Лермонтова, готовящемуся к постановке в театре им. Вахтангова. Насквозь современный композитор, Хачатурян написал музыку другой эпохи, других ощущений. Романс Нины, лирический вальс, мазурка, в которой все время звенит чувство тревоги, приближающейся катастрофы. Маскарадный галоп, о котором хочется сказать: «Какие маски! Какие костюмы мы видим, какие розы!» Цыганский романс, написанный еще без слов, где музыка так полно все проговорила, что сейчас как будто только надо записать ее словами. Многого ново и любопытно в этой работе композитора.

Хочется сказать: он пишет счастливо.

В этом есть какая-то особая, общая для всех нас патристическая гордость. Ибо только в одной стране талант человека мог развиваться так быстро, полно и счастливо, когда все помогало ему, берегло и хранило, когда искусство народа вскормило его и вырастило — и сейчас, когда он стоит на ногах, с гордостью чувствует в нем свою кровь, свое сердце.

Лауреат Сталинской премии композитор А. И. Хачатурян.

Фото Дм. Бальгерманца.